ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВЕРСИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (вместо заключения)

> Но есть ли что недостовернее в мире, нежели История, повествуемая в книгах, где два автора описывают одно сраженье, но столь несоразмерны несоответствия двух рассказов, что кажется, будто речь ведется о двух битвах, не об одной.
>
> *У. Эко "Остров накануне"*

Занимаясь не один год выявлением мифологического характера определенных стереотипов, связанных с историей Французской революции, я неоднократно слышал от коллег дружеские сетования: "Ладно, допустим, убедил, что и это было не так, и то было не так, но лучше бы уж написал, как оно, по-твоему, было на самом деле". Думаю, после прочтения этой книги у ее читателей вполне может возникнуть аналогичный вопрос. Предвосхищая его, я предлагаю вместо заключения свою версию событий — краткий очерк истории Французской революции, подготовленный для вузовского учебника, который, надеюсь, увидит свет в ближайшие годы.

Франция накануне революции

В последнюю четверть XVIII в. Франция вступила, будучи одной из самых богатых и многолюдных европейских стран. По численности населения (27 млн человек в 1775 г.) она лишь относительно немного уступала России (30 млн), находилась в более или менее равном положении с Австрией и значительно превосходила Испанию (чуть более 10 млн), Англию (около 10 млн) и Пруссию (6 млн человек).

Продолжавшийся во Франции на протяжении всего столетия демографический подъем в значительной степени был обусловлен устойчивым экономическим ростом с 20-х по 80-е годы XVIII в. Особенно быстро развивались сектора экономики, связанные с колониальной торговлей. По ее общему объему, выросшему за этот период в 4 раза, Франция вышла на второе место в мире пос-

ле Англии. Причем разрыв между двумя странами в данной сфере постепенно сокращался, поскольку французская внешняя торговля росла более высокими темпами. Сотни французских судов курсировали в "атлантическом треугольнике": из Франции они везли в Африку ром и ткани, там наполняли трюмы чернокожими рабами для плантаций Вест-Индии, откуда возвращались в метрополию груженые сахаром-сырцом, кофе, индиго и хлопком. Колониальное сырье перерабатывалось на многочисленных предприятиях, окружавших морские порты, после чего готовые продукты частично потреблялись в самой стране, частично продавались за рубеж. Атлантическая торговля стимулировала развитие судостроения, текстильной и пищевой промышленности.

Больших успехов в XVIII в. добилась и тяжелая индустрия Франции. Богатые дворянские семьи охотно вкладывали в нее средства. В 1780-е годы более 50% металлургических предприятий принадлежали дворянам, более 9% — церкви. Именно в этот период дворянская семья Ванделей основала знаменитый металлургический завод в Крезо, где в 1787 г. была проведена первая во Франции плавка с использованием кокса. В 80-е годы началось применение и первых паровых машин.

Заметный прогресс имел место и в такой достаточно консервативной отрасли экономики, как сельское хозяйство. Интенсивная пропаганда новейших методов агрикультуры, которую при активной поддержке властей осуществляли просветительские сельскохозяйственные общества, со временем дала свои плоды. Передовые достижения агрономической науки постепенно воспринимались и крестьянской средой, получая все более широкое применение. Особенно же восприимчивы к ним оказались ориентированные на рынок крупные дворянские и фермерские хозяйства, ставшие своего рода "матрицей капитализма". В целом рост валового продукта сельского хозяйства с 1709 по 1780 г. составил до 40%. Развернутое государством строительство дорог, мостов и каналов способствовало расширению внутренней торговли и специализации различных регионов на производстве определенных видов продукции для рынка.

Однако, подобно мифическому Танталу, страдавшему от голода среди изобилия еды, государство в этой богатой, экономически процветающей стране переживало острый финансовый кризис. Огромный государственный долг, на обслуживание которого уходила половина бюджета, стал непосильной ношей для устаревшей финансовой системы. Выходом из нелегкой ситуации могла стать лишь реформа налогообложения, предполагавшая отмену фискальных привилегий и введение общего для всех поземельного налога.

Во второй половине XVIII в. королевские министры не раз предпринимали с большей или меньшей степенью решительности шаги в этом направлении. Однако все попытки правительства мо-

дернизировать финансовую систему государства наталкивались на упорное сопротивление привилегированных сословий и традиционных судебных учреждений, которые свою борьбу за узкокорпоративные интересы прикрывали демагогическими лозунгами, используя для этого, в духе времени, идеи философии Просвещения. Критика, которой оппозиционная публицистика подвергала власти в течение нескольких десятилетий, существенно подорвала авторитет монархии среди значительной части подданных, особенно в городах. Впрочем, до поры до времени участие "низов" в политической борьбе сводилось, в основном, к моральной поддержке оппозиции и лишь изредка принимало форму уличных беспорядков, непродолжительных и спорадических. Ситуация изменилась во второй половине 80-х годов, когда ухудшение условий жизни из-за начавшегося экономического кризиса вызвало резкий всплеск активности "низов".

Экономический кризис во Франции 80-х годов XVIII в. не носил системного характера, то есть ни в коей мере не свидетельствовал о нежизнеспособности системы в целом. Кризисные явления в различных отраслях хозяйства были вызваны разными факторами, напрямую не связанными между собой. Эти факторы можно разделить на субъективные (просчеты в экономической политике правительства) и объективные, а последние, в свою очередь, — на долговременные (смена фаз многолетнего экономического цикла) и краткосрочные (неблагоприятная сезонная конъюнктура). Негативное воздействие на экономику каждого из них время от времени имело место и в предшествующие периоды. Однако уникальность ситуации 1780-х годов состояла в том, что на сей раз проявление всех этих факторов совпало по времени, что сделало экономический кризис особенно глубоким и тяжелым.

В функционировании экономики Старого порядка существовала определенная объективная цикличность: многолетние периоды роста цен на зерно сменялись столь же продолжительными периодами их снижения. Первая из этих тенденций была выгодна для производителей сельскохозяйственной продукции и способствовала расширению их хозяйственной деятельности, вторая, напротив, вела к сокращению их доходов и оказывала сдерживающее влияние на развитие аграрного сектора, да и всей экономики в целом, поскольку именно он составлял ее основу.

На протяжении большей части XVIII в. цены на зерно постепенно росли, но в 1776 г. эта фаза цикла закончилась, и они пошли вниз. Вскоре стали падать и цены на вино, важнейший продукт французского экспорта. Снижение доходов производителей сопровождалось сокращением найма ими рабочей силы и, соответственно, ростом безработицы в сельской местности. Дабы поднять спрос на сельскохозяйственную продукцию и стимулировать ее производство, правительство предприняло ряд мер, направленных на расширение ее экспорта. В 1786 г. оно заключило торговый до-

говор с Англией, который открывал британский рынок для французских вин. Взамен французский рынок открывался для продукции английских мануфактур. В 1787 г. был разрешен свободный вывоз зерна за рубеж и заключен торговый договор с Россией, также предусматривавший выгодные условия для экспорта французских вин. Но требовалось время, чтобы русско-французский договор принес реальную выгоду. Остальные же, правильные в принципе, меры на деле не только не улучшили ситуацию, но еще больше ее усугубили.

Разрешение экспортировать пшеницу привело к тому, что значительная часть запасов зерна ушла за рубеж. Лето же 1788 г. выдалось неурожайным. В некоторых областях из-за дождей и страшных бурь погибло до 1/4 урожая. Цены на рынках взлетели. Стали распространяться панические настроения: люди боялись голода.

Торговый договор с Англией сулил французским земледельцам в перспективе немалую выгоду, однако гораздо быстрее промышленники Франции ощутили его издержки. Английские текстильные мануфактуры, имевшие лучшее техническое оснащение, заполнили своей дешевой продукцией французский рынок, вытесняя с него местных производителей. Вдобавок, у тех возникли серьезные проблемы с сырьем. В 1787 г. сбор шелка-сырца был крайне низким, а неурожай 1788 г. спровоцировал забой овец и, соответственно, резкое сокращение их поголовья, что вызвало еще и дефицит шерсти. Все это вместе взятое привело к острому кризису французской текстильной промышленности: сотни предприятий закрылись, тысячи работников оказались на улице.

Таким образом, монархии пришлось искать пути выхода из тяжелейшего финансового кризиса государства в крайне неблагоприятной общественной обстановке. Экономический спад до предела обострил социальное недовольство "низов" и сделал их весьма восприимчивыми к демагогическим лозунгам антиправительственной оппозиции. Напротив, власть, пытавшаяся проводить преобразования, не пользовалась в обществе ни высоким авторитетом, ни доверием, а слабый, нерешительный король по своим личным качествам совершенно не отвечал тому, что требовалось главе государства в столь критической ситуации.

Финансовый дефицит, падение цен, неурожаи, фронда знати и парламентов, голодные бунты, слабость центральной власти — все это бывало в истории Франции и раньше, но в разные периоды. Одновременное же действие всех этих негативных факторов вызвало тот социальный резонанс, который привел к краху Старого порядка.

Выборы в Генеральные штаты

После отставки руководившего правительством Ломени де Бриенна в августе 1788 г. Людовик XVI, идя навстречу общественному мнению, поставил на его место популярного Неккера. И хотя этот шаг был с одобрением встречен широкой публикой, все же основные надежды различные слои общества теперь связывали не с назначением того или иного министра, а с предстоявшим созывом Генеральных штатов. Правда, вопрос о порядке работы Штатов вызвал острые разногласия в стане антиправительственной оппозиции.

Восстановленный королем в сентябре 1788 г. Парижский парламент заявил, что организация Генеральных штатов должна быть такой же, как в 1614 г., когда они созывались в последний раз. Тогда все сословия имели равное представительство, а голосование проходило по сословиям: один голос имело духовенство, один — дворянство и лишь один — третье сословие, составлявшее подавляющую часть населения страны. Другие парламенты поддержали точку зрения Парижского так же, как и большинство дворян. Тем самым они открыто признали, что стремились ограничить власть монарха исключительно ради того, чтобы расширить собственное влияние и упрочить свое привилегированное положение. Эти эгоистические устремления дворянства вошли в противоречие с широко обсуждавшейся в обществе идеей о необходимости удвоить число представителей третьего сословия по сравнению с двумя первыми и ввести поименное голосование. Именно так были устроены провинциальные ассамблеи, созданные Ломени де Бриенном в 1787 г. На той же основе собрание представителей всех сословий в Гренобле в июле 1788 г. требовало восстановить штаты Дофине. Того же хотел и Неккер.

Выступив за традиционную форму работы Генеральных штатов, парламенты и лидеры аристократической оппозиции в одночасье утратили былую популярность. С осени 1788 г. движущей силой оппозиционного движения стала общественно-политическая группа, которую в исторической литературе обозначают сегодня понятием "просвещенная элита". Это внесословное, политически активное меньшинство сформировалось во второй половине XVIII в., когда вся Франция мало-помалу покрылась густой сетью разнообразных общественных объединений — естественно-научных, философских и агрономических кружков, провинциальных академий, библиотек, масонских лож, музеев, литературных салонов и т.п., — имевших целью распространение культурных ценностей Просвещения. В отличие от традиционных для Старого порядка объединений, эти ассоциации имели внесословный характер и демократическую организацию. Среди их членов можно было встретить и дворян, и священнослужителей, и оффисье, и представителей образованной верхушки третьего сословия. Должностные ли-

ца таких обществ, как правило, избирались голосованием на конкурсной основе. Просветительские ассоциации разных городов имели между собой тесные и постоянные связи, образуя единую социокультурную среду, в которой и сформировалось сообщество представителей всех сословий, объединенных приверженностью идеалам Просвещения, — просвещенная элита. Именно она и стала осенью 1788 г. движущей силой общенационального движения против абсолютной монархии, а в дальнейшем дала Революции подавляющее большинство ее лидеров.

Координирующим центром оппозиции, или, как ее называли современники, "патриотической партии" стал возникший в Париже Комитет тридцати. Он включал в себя героя Войны за независимость США маркиза Лафайета, аббата Э.Ж. Сийеса, отенского епископа Ш.М. Талейрана, графа Мирабо, советника Парламента А. Дюпора и других представителей просвещенной элиты. Поддерживая связь с единомышленниками по всей Франции, Комитет развернул активную агитацию в поддержку требования удвоить представительство третьего сословия и ввести поголовное голосование депутатов. Активную роль в организации этой памфлетной кампании играло также окружение герцога Филиппа Орлеанского.

Для решения вопроса о порядке работы Генеральных штатов король в ноябре созвал собрание нотаблей. Их подавляющее большинство попросило монарха сохранить сословные привилегии и выступило в пользу традиционной формы организации Штатов.

Находясь под двойным давлением, с одной стороны — традиционных элит, с другой — общественного мнения, подогреваемого агитацией патриотической партии, король так и не смог прийти к какому-либо определенному решению и занял промежуточную позицию. 27 декабря 1788 г. было объявлено, что третье сословие в Генеральных штатах получит двойное представительство. Вопрос же о порядке голосования остался нерешенным.

Избирательная кампания января-марта 1789 г. проходила в беспокойной обстановке. "Низы" города и деревни, измученные экономическим кризисом и растущей дороговизной, находились в крайне возбужденном состоянии. В разных местах то и дело вспыхивали волнения. В марте голодные бунты имели место в Реймсе, Марселе, Эксе. В Париже 29 апреля, уже после завершения выборов, произошли массовые беспорядки, известные как "дело Ревельона". Возбужденная ложными слухами о том, что владелец мануфактуры Ревельон якобы предложил снизить заработную плату, толпа рабочих из Сен-Антуанского предместья (среди которых не было ни одного с предприятия самого Ревельона) разгромила дом мануфактуриста. Властям пришлось применить войска, чтобы подавить восстание.

Агитация патриотической партии играла на социальном недовольстве и еще больше подогревала его, направляя против правительства и привилегированных сословий. В январе 1789 г. вы-

шел в свет и немедленно получил широчайшую известность памфлет аббата Сийеса "Что такое третье сословие?" На этот вопрос автор отвечал: "Все!" — и далее продолжал: "А чем оно до сих пор было? — Ничем! — А чего он требует? — Стать хоть чем-нибудь". Несмотря на столь, казалось бы, скромные претензии, Сийес фактически противопоставил дворян всей остальной нации, отказав им в праве считаться ее частью. Подхватив и развив эту идею, оппозиционная публицистика усердно формировала в общественном сознании образ врага — "аристократии", якобы виновной во всех бедах народа.

В выборах патриотическая партия приняла самое активное участие. Комитет тридцати и аналогичные ассоциации в провинции энергично поддерживали своих кандидатов, выпускали памфлеты в их поддержку, разрабатывали образцы наказов, принимавшихся затем на собраниях избирателей. В результате, все ведущие деятели оппозиции получили депутатские мандаты.

Крушение Старого порядка

Генеральные штаты собрались в Версале 5 мая 1789 г. Всего было избрано 1165 депутатов: половина — от третьего сословия, по $^1/_4$ — от духовенства и дворянства. Из числа представителей третьего сословия 50% составляли оффисье, 26% — близкие к ним по своему статусу и интересам лица свободных профессий, в основном адвокаты. Среди депутатов от духовенства самой многочисленной категорией были приходские кюре, хорошо знавшие нужды рядовых прихожан и, как показало развитие событий, достаточно восприимчивые к оппозиционным настроениям. И, наконец, где-то около трети представителей дворянства составляла либерально настроенная знать, в той или иной степени принадлежавшая к просвещенной элите.

Поскольку король так и не определил точный порядок работы Штатов, сразу же возникли противоречия относительно процедуры. Третье сословие потребовало, чтобы проверка полномочий депутатов проходила на общем собрании. Это должно было стать первым шагом к поголовному голосованию. Дворянство и духовенство, напротив, высказались в пользу традиционного порядка проверки — по палатам. Споры затянулись на пять недель.

В этом противостоянии определилась группа лидеров, возглавивших борьбу депутатов третьего сословия и вскоре получивших общенациональную известность, поскольку их выступления тиражировались оппозиционной прессой на всю страну. Это были гренобльские адвокаты Ж.Ж. Мунье и А. Барнав, аббат Сийес, видный астроном Ж.С. Байи и др. Наибольшим влиянием среди них обладал граф Мирабо. Юношей он, по воле отца, долгие годы провел в заточении, а позднее снискал себе всеевропейскую славу

авантюрными похождениями. Став депутатом Генеральных штатов от третьего сословия, Мирабо, благодаря своей решительности и удивительному ораторскому дару, вскоре занял ведущее место среди руководителей оппозиции.

Согласия между сословиями по вопросу о процедуре проверки полномочий достичь не удалось. Король хранил молчание. И 10 июня депутаты третьего сословия заявили, что поскольку они представляют всю нацию, то готовы начать проверку самостоятельно, не дожидаясь других сословий. День спустя к ним присоединились трое кюре, а потом и еще полтора десятка. 17 июня, по предложению Сийеса, палата третьего сословия провозгласила себя Национальным собранием, то есть представительным органом всей нации. Хотя решение было принято из тактических соображений, чтобы оказать давление на депутатов первых двух сословий, оно имело далеко идущие последствия. Провозглашение нации носителем верховного суверенитета посягало на правовые основы абсолютной монархии, где суверенитетом мог обладать только король.

Представители духовенства решили присоединиться к третьему сословию. Того же потребовали в своей палате либеральные депутаты от дворянства. Однако большинство дворян и верхушка духовенства не хотели уступать и обратились к королю с просьбой вмешаться и разрешить спор. Людовик XVI, подавленный смертью своего старшего сына, вяло согласился, но не проявил в своих действиях ни решимости, ни последовательности.

Утром 20 июня депутаты Национального собрания обнаружили, что зал их заседаний без какого-либо предупреждения закрыт на ремонт. Опасаясь, что это первый шаг к их разгону, они отправились в ближайшее просторное здание — Зал для игры в мяч — и там торжественно поклялись не расходиться до тех пор, пока не дадут государству конституцию.

23 июня на королевском заседании Людовик XVI поддержал идею равного налогообложения, право Генеральных штатов на утверждение налогов и свободу слова. В то же время он в ультимативном тоне велел депутатам заседать по сословиям и пригрозил им в случае неповиновения роспуском. После ухода короля депутаты третьего сословия отказались подчиниться его приказу. Это был акт открытого неповиновения. Однако монарх не ответил на брошенный вызов, тем самым молча признав свое поражение. На следующий день к третьему сословию присоединилось духовенство, затем — либеральные дворяне с герцогом Орлеанским во главе. И, наконец, Людовик XVI сам пригласил упорствующих последовать за ними. 9 июля Национальное собрание объявило себя Учредительным, то есть призванным учредить Конституцию.

Вместе с тем, король не препятствовал и действиям той части своего окружения, которая хотела силой положить конец Рево-

люции. В начале июля к Парижу было стянуто до 30 тыс. войск. 11 июля Людовик XVI под нажимом королевы и своих братьев уволил Неккера. Это был неудачный политический шаг, сделанный к тому же в совершенно неподходящий момент. Отставка Неккера вызвала панику у держателей государственных бумаг (а таковыми были практически все, кто обладал более или менее значительным достатком), поскольку именно в нем они видели человека, способного предотвратить банкротство государства. Их возмущение нашло отклик у парижских "низов", крайне раздраженных непомерной дороговизной: накануне нового урожая цены на хлеб в те дни достигли самых высоких значений за все столетие. Поползли слухи о том, что правительство хочет уморить народ голодом.

Париж заволновался. По всему городу стихийно собирались толпы, перед которыми уличные ораторы произносили подстрекательские речи. К волнениям присоединились и стоявшие в городе солдаты французской гвардии. 13 июля выборщики (те, кто избирал депутатов в Генеральные штаты) от Парижа создали в Ратуше комитет, который начал формировать национальную гвардию из состоятельных граждан. 14 июля толпа захватила склады оружия, после чего направилась к Бастилии. Эта крепость-тюрьма символизировала в общественном сознании репрессивную мощь государства. Реально же там находилось семь узников и чуть больше сотни солдат гарнизона, в основном инвалидов. Окружив Бастилию, повстанцы принялись беспорядочно обстреливать ее из ружей и пушек. После нескольких часов осады комендант сдал крепость при условии сохранения жизни ему и его солдатам. Однако после капитуляции семеро из них, включая самого коменданта, были растерзаны толпой. Узнав о падении Бастилии, король вновь отступил. Он отозвал войска и восстановил Неккера. Посетив Париж, король в знак примирения согласился надеть трехцветную кокарду, в которой к цветам города — синему и красному — был добавлен белый цвет Бурбонов. С этого времени трехцветное знамя стало знаменем Революции. Испуганные происходящим и разочарованные поведением монарха, представители крупной аристократии начали покидать Францию, в том числе и младший брат короля граф д'Артуа.

После событий 14 июля по Франции прокатилась волна "муниципальной революции". Тон ей также задал Париж. Созданный в Ратуше комитет выборщиков провозгласил себя коммуной (муниципалитетом). Мэром был назначен Байи, командующим национальной гвардией — Лафайет. Вслед за столицей новые, революционные муниципалитеты возникли и в других городах, заменив собой прежние власти.

Известия о парижских событиях, дороговизна, недостаток хлеба, вакуум власти спровоцировали многочисленные выступления сельской бедноты в разных районах Франции, сопровождав-

шиеся разграблением замков и богатых домов. Эта "жакерия" породила слухи о "шайках разбойников", повергавших в панику целые деревни и города. В конце июля уже вся страна была охвачена "Великим страхом".

Учредительное собрание, ежедневно получавшее известия об аграрных волнениях, в ночь с 4 на 5 августа приняло решение отменить сеньориальные права: те, что являлись наследием личной зависимости (барщина, право мертвой руки), — бесплатно, остальные — за выкуп. Также ликвидировались все сословные и местные привилегии, продажа должностей, снимались сословные ограничения на доступ к военной и гражданской службе. Решения этой, как ее назвали современники, "ночи чудес", закрепленные декретами 5—11 августа, разрушили социальную основу Старого порядка.

26 августа Собрание приняло Декларацию прав человека и гражданина, определявшую принципы будущей Конституции. Декларация провозглашала верховный суверенитет нации, объявляла "естественными и неотъемлемыми" права каждого на свободу, собственность, безопасность и сопротивление гнету, устанавливала презумпцию невиновности, свободу слова и совести.

Людовик XVI отказался санкционировать Декларацию и декреты 5—11 августа. Это дало повод революционным публицистам обрушиться на королевскую власть с новыми нападками, муссируя слухи об "аристократическом заговоре" против народа. Их агитация еще больше нагнетала обстановку, и без того накаленную перебоями с подвозом продовольствия и дороговизной. Когда 5 октября по Парижу пробежал слух о том, что офицеры короля, демонстрируя ненависть к Революции, во время банкета топтали трехцветную кокарду, толпа плебса двинулась на Версаль. За ней туда же отправилась национальная гвардия с Лафайетом во главе. Когда парижане прибыли в Версаль, Людовик XVI обещал им санкционировать Декларацию прав. Однако ночью толпа ворвалась во дворец, убив двух гвардейцев короля. Только вмешательство Лафайета предотвратило дальнейшее кровопролитие. Король вынужден был дать согласие на предъявленное ему плебсом требование переехать в Париж. 6 октября монарх с семьей под охраной национальной гвардии и в окружении толпы покинул Версаль.

События 5—6 октября покончили с одновременным существованием двух суверенных центров власти — абсолютного монарха и Учредительного собрания. Хотя король продолжал считаться *первым должностным лицом в государстве, отныне он фактически* был заложником Собрания. Абсолютная монархия пала, что подвело черту под трехсотлетней историей Старого порядка.

Конституция 1791 года

Учредительное собрание также переехало в Париж, где и продолжило работу над Конституцией. И хотя аграрные волнения и городские беспорядки спорадически вспыхивали в различных частях страны на протяжении и последующих полутора лет, тем не менее на это время эпицентр Революции переместился с улицы в зал парламентских заседаний. Здесь шла основная борьба между различными политическими силами. Еще в сентябре, обсуждая вопрос о праве вето короля на принимаемые Собранием законы, депутаты разделились на две части: сторонники абсолютного вето сели справа, сторонники суспенсивного (отлагательного) вето — слева. С этого времени понятия "правый" и "левый" приобрели тот политический смысл, в котором их употребляют и сегодня.

Осенью 1789 г. в Собрании уже достаточно четко обозначилось деление депутатов на ряд политических групп ("партий"). Роялисты, наиболее видными ораторами которых были аббат Мори и кавалерийский офицер Казалес, противились какому бы то ни было ограничению королевских прерогатив.

Монархисты — Мунье, Малуэ, Клермон-Тоннер и др. — весной-летом 1789 г. участвовали в борьбе против абсолютизма и поддержали декреты 5—11 августа, однако в ходе работы над Конституцией выступили за абсолютное вето короля и двухпалатный парламент по образцу английского. После событий 5—6 октября Мунье эмигрировал, а остальные монархисты сблизились с роялистами.

Большинство Собрания составляли сторонники Конституции — "конституционалисты". Среди них было много крупных политических фигур — Лафайет, Талейран, Сийес и др. Левее их находился "триумвират" Барнав — Дюпор — Ш. Ламет. Крайне левую позицию занимали провинциальные адвокаты Ф.Н.Л. Бюзо, Ж. Петион и М. Робеспьер. И над всеми группами возвышался Мирабо, харизматический лидер "левого" крыла Собрания.

Хотя "левое" большинство вместе голосовало за проводимые Собранием реформы, между его вождями постоянно шла скрытая борьба за влияние. Мирабо и Лафайет интриговали друг против друга. "Триумвират" боролся против обоих. Робеспьер, не участвовавший в работе ни одного из комитетов, резко критиковал едва ли не все меры, принимавшиеся его либеральными коллегами. Характерно, что, когда возникла реальная возможность для Мирабо стать министром, другие "левые" лидеры инициировали закон, запретивший депутатам входить в правительство. После этого Мирабо вступил в тайную переписку с королем, пытаясь таким образом влиять на его политику. Их контакты продолжались до самой смерти Мирабо в апреле 1791 г.

Помимо участия в работе Собрания, депутаты значительную часть времени проводили в политических клубах, где в кругу еди-

номышленников обсуждали вопросы политики и определяли свою парламентскую стратегию. Большинство "левых" депутатов входило в "Бретонский клуб", переименованный затем в "Общество друзей Конституции". После переезда Собрания в Париж, этот клуб разместился в бывшем монастыре св. Якова, отчего стал называться Якобинским.

Важнейшим средством влияния на общественное мнение была пресса. Имена таких революционных журналистов, как К. Демулен, Ж.-П. Бриссо, и других получили широкую известность. Особо среди "левых" изданий выделялась призывами к насилию газета бывшего врача Ж.-П. Марата "Друг народа".

Учредительному собранию, прежде всего, предстояло найти выход из финансового кризиса, еще больше углубившегося летом-осенью 1789 г. Доходы государства катастрофически упали. В обстановке хаоса и вакуума власти большинство населения просто перестало платить налоги. В ноябре 1789 г., по предложению Талейрана, Собрание национализировало собственность церкви. Выставленные на продажу "национальные имущества" стали обеспечением для бумажных денег — ассигнатов, выпущенных в оборот для покрытия государственных расходов.

После этого Учредительное собрание вплотную занялось разработкой нового государственного устройства Франции, которое предстояло закрепить в Конституции. В основу нового строя был положен принцип разделения властей: законодательная власть принадлежала Национальному собранию, исполнительная — монарху. Король больше не мог единолично объявлять войну и заключать мир, но сохранял за собой право назначать министров и послов, командовать армией, руководить администрацией. Провозглашалось равенство граждан перед законом, независимо от их происхождения и вероисповедания. Дворянские титулы упразднялись. Вместе с тем, на основании имущественного ценза вводилось деление граждан на "активных" и "пассивных". Только "активные" — мужчины от 25 лет и старше, платившие прямой налог в размере трехдневной заработной платы и не находившиеся в услужении, — получали право избирать должностных лиц и служить в национальной гвардии.

Отменялись все привилегии и другие формы государственной регламентации экономической деятельности — цеха, корпорации, монополии и т.д. Ликвидировались таможни внутри страны на границах различных областей. Вместо многочисленных прежних налогов вводилось три новых — на земельную собственность, движимое имущество и торгово-промышленную деятельность.

Новое административное деление страны упростило и унифицировало систему местной администрации. Вместо прежних провинций с различными нормами обычного права и своими исторически сложившимися административными институтами было создано 83 департамента, примерно равных по размеру и по числен-

ности населения. Все административные единицы получали выборные органы управления.

14 июля 1790 г. в Париже на Марсовом поле состоялся грандиозный праздник Федерации. Представители всех департаментов принесли торжественную клятву верности "нации, закону и королю". Тем самым все провинции Французского королевства, присоединенные в разное время и по-разному, нередко насильственно, далеко не схожие между собой по истории и культуре, добровольно подтвердили свою принадлежность единой и неделимой нации.

Правда, очень скоро единодушный энтузиазм праздника Федерации сменился многочисленными политическими и социальными конфликтами. Один из наиболее острых был спровоцирован гражданским устройством духовенства. Принятые летом 1790 г. декреты Учредительного собрания о новой организации церкви превращали духовных лиц в государственных служащих. Священники и епископы, избираемые отныне гражданами как обычные должностные лица, должны были получать содержание от государства. Все остальные церковные звания, а также монашеские ордена ликвидировались. Отменялось утверждение епископов римским папой. Все духовенство под угрозой отрешения от должности заставляли принести присягу на верность Конституции, что нарушало традиционную автономию церкви от государства. Эти решения вызвали резкое осуждение со стороны римского папы и спровоцировали раскол среди французского духовенства. Большинство служителей церкви отказалось принести присягу и лишилось своих мест. На освободившиеся вакансии было избрано 80 новых епископов и 20 тыс. священников. Во многих местах их вступление в должность вызвало конфликты с неприсягнувшим духовенством и привело к расколу паствы на два лагеря.

Со второй половины 1790 г. стала быстро ухудшаться экономическая ситуация. Чрезмерный выпуск ассигнатов спровоцировал всплеск инфляции. Рост дороговизны вызывал волнения сельских и городских "низов". Недовольство плебса пытались активно использовать крайне левые активисты революционного движения. Выдвинувшиеся уже в ходе Революции, а потому практически не представленные в Учредительном собрании, они критиковали депутатов Собрания за недостаточную решительность и, выдвигая радикальные, порой откровенно популистские лозунги, стремились получить поддержку масс. В Париже центром подобного радикализма стал Клуб кордельеров, куда входили такие левые политики, как Марат, Демулен, Ж. Дантон, и другие.

В июне 1791 г. разразился острый политический кризис в связи с попыткой бегства короля за рубеж. Людовик XVI, лишившись после смерти Мирабо своего тайного защитника в Собрании и все больше чувствуя себя в Тюильри на положении пленника, согласился с планом побега, разработанным его окружением. 20 июля король с семьей покинули дворец Тюильри и направились в каре-

те к границе, где его ждали верные войска. Обнаружив утром исчезновение монарха, революционные власти разослали во все стороны курьеров с приказом задержать его. 21 июля в местечке Варенн король был опознан и под охраной национальной гвардии возвращен в Париж. А вот его брату, графу Прованскому, бежавшему в тот же день по другой дороге, удалось благополучно пересечь границу.

Бегство Людовика XVI вызвало всплеск антимонархических настроений. Кордельеры и левая пресса потребовали суда над королем. Впервые с начала Революции в печати стали открыто обсуждать возможность установления республики. Однако депутаты-конституционалисты, не желая углублять кризис и ставить под вопрос плоды почти двухлетней работы над Конституцией, взяли короля под защиту и заявили, что он был похищен. Их позиция не нашла поддержки у большинства членов Якобинского клуба, который за предшествующие месяцы заметно полевел. Произошел раскол. Умеренные политики вышли из клуба и образовали новый в бывшем монастыре фельянов.

Попытавшись оказать давление на Учредительное собрание, кордельеры призвали горожан провести 17 июля на Марсовом поле сбор подписей под петицией с требованием об отречении короля. Городские власти запретили манифестацию. Однако собралась возбужденная толпа, которая, обнаружив под трибуной двух бродяг, убила их как "агентов аристократии". На Марсово поле прибыли мэр Байи и Лафайет с отрядом национальной гвардии. На требование разойтись полетели камни. Национальные гвардейцы открыли огонь, убив несколько десятков человек. Вслед за этим власти произвели аресты некоторых левых активистов. Клуб кордельеров временно закрыли.

3 сентября 1791 г. Учредительное собрание приняло Конституцию, а 30-го прекратило свою работу.

Падение монархии

За четыре месяца до своего роспуска Учредительное собрание, по предложению Робеспьера, постановило, что ни один из его депутатов не может быть избран в Законодательное собрание. Подобная демонстрация бескорыстия имела своим следствием то, что членами Законодательного собрания, которое начало работу 1 октября 1791 г., стали люди, не обладавшие опытом законотворчества и государственной деятельности.

Всего было избрано 745 депутатов. Правое крыло Собрания составили фельяны — около 260 человек. Сторонники конституционной монархии, они считали, что с принятием Конституции 1791 г. Революция исчерпала свою миссию и должна быть закончена. Левое крыло Собрания занимали примерно 130 депутатов-рес-

публиканцев. Многие из них были членами Якобинского клуба. Среди них выделялось две группы. Лидером более крупной был парижский журналист Бриссо, из-за чего ее члены получили прозвище "бриссотинцев". Позднее их также называли "жирондистами", поскольку ряд ведущих деятелей этой "партии" — в частности ее лучшие ораторы П. Верньо и М.Э. Гюаде — были депутатами от департамента Жиронда. И, наконец, небольшая группа крайне "левых", таких, как кордельеры Базир, Шабо и Мерлен (из Тионвиля), занимала в Собрании самые верхние места, из-за чего получила прозвище "монтаньяры" (горцы). Кроме того, к "левому" крылу принадлежали и депутаты, не входившие ни в ту, ни в другую группу, например Л. Карно и Ж. Кутон. Остальные члены Собрания составляли его центр ("болото") и поддерживали то одно, то другое крыло.

Едва приступив к работе, Законодательное собрание столкнулось с множеством тяжелейших проблем. Начавшееся в Сан-Доминго восстание черных рабов нарушило экономические связи с колониями. Возникли перебои с поставками колониальных продуктов, входивших в рацион многих жителей французских городов. Недовольные граждане устраивали беспорядки на рынках, а в Этампе толпа растерзала мэра за отказ регулировать цены.

Крестьяне, убедившись, что значительную часть сеньориальных повинностей им придется выкупать, подняли "жакерию" в центральных и южных областях страны. В Лозере и Вандее происходили выступления крестьян против церковной реформы и в защиту неприсягнувших священников.

Ранее принадлежавший папе и только что присоединенный к Франции Авиньон оказался охвачен гражданской войной. В октябре 1791 г. страна была потрясена известием о массовой резне мирных жителей, устроенной в башне Гласьер авиньонскими революционерами в ответ на убийство муниципального чиновника.

Обострилась и международная обстановка. Если на протяжении предшествующего периода иностранные государи достаточно нейтрально относились к Французской революции, то с 1791 г. ее события все больше стали привлекать их внимание. Аннексия Авиньона показала, что, хотя революционная Франция на словах и отказалась от завоеваний, фактически для ее вмешательства вполне достаточно, чтобы какая-то часть населения, подняв восстание, обратилась к ней за помощью. Кроме того, австрийский император не мог согласиться с тем, что действие декретов 5 — 11 августа 1789 г. было распространено на владения немецких князей в Эльзасе, которые, согласно международным договорам о присоединении к Франции этой территории, оставались под юрисдикцией имперского права. И, наконец, обращение с королевской четой как с пленниками, особенно после Вареннского кризиса, не могло не возмутить царствующих монархов. 27 августа 1791 г. в Пильнице австрийский император и прусский король подписали деклара-

цию в защиту монархического правления во Франции, оставив за собой право применить для его укрепления все "необходимые средства".

Передовым отрядом противников революции должны были стать французские дворяне-эмигранты, возглавляемые братом короля графом Прованским. При нем было создано правительство под руководством Калонна. При финансовой поддержке иностранных дворов эмигранты сформировали в немецком городе Вормс 15-тысячную армию принца Конде.

В ноябре 1791 г. Законодательное собрание, по предложению Бриссо, приняло закон, угрожавший конфискацией имущества тем эмигрантам, кто в течение двух месяцев не вернется на родину. Еще один декрет был направлен против неприсягнувших священников, предусматривая для них до двух лет тюрьмы. Король воспользовался своим конституционным правом и наложил вето на эти декреты, вызвав бурю возмущения левых.

"Партии" по-разному отнеслись к угрозе войны. Король и его приближенные связывали с военным конфликтом надежду на подавление Революции руками иностранных войск. Желал войны, хотя и по другим причинам, Лафайет, рассчитывая, что, возглавив армию, сможет защитить конституционный порядок от посягательств "слева". А вот близкие к нему по своим политическим взглядам фельяны, напротив, опасались, что война дестабилизирует общество и тем самым погубит Конституцию. Среди "левых" также не было единства мнений. Большинство якобинцев разделяло воинственные настроения Бриссо, полагая, что предстоящая война окончательно дискредитирует двор и приведет к установлению Республики. Но были и несогласные с этим мнением, прежде всего Робеспьер, призывавший сосредоточиться на борьбе с внутренним, а не внешним врагом.

9 марта 1792 г. король назначил министром финансов Э. Клавьера, внутренних дел — Ж.М. Ролана, иностранных дел — Ш.Ф. Дюмурье. Все они были тесно связаны с жирондистами. Новое правительство сразу взяло курс на войну с австрийским императором, которая и была объявлена 20 апреля.

В мае французские войска, почти не встречая сопротивления, вторглись в Бельгию. Однако очень скоро стало ясно, что Франция к войне не готова. Экономический кризис углублялся, налоги собирались плохо, государству не хватало средств, а выпуск все новых ассигнатов подстегивал инфляцию. Армия испытывала недостаток квалифицированных офицеров, поскольку многие из них эмигрировали. Тем же, кто остался, солдаты не доверяли. Дисциплина в войсках была низка. При первых же серьезных столкновениях с австрийцами французские солдаты бежали, убив своего командира генерала Диллона.

В мае Законодательное собрание приняло еще один репрессивный декрет против неприсягнувших священников, а в начале

июня постановило создать под Парижем лагерь для 20 тыс. федератов — национальных гвардейцев из разных департаментов, которые должны были прибыть в столицу для празднования годовщины 14 июля. Жирондисты планировали использовать их как военную силу для борьбы против монархии. Король наложил вето на оба закона и отправил жирондистское правительство в отставку, назначив новыми министрами фельянов.

20 июня организованная "левыми" народная манифестация в честь годовщины клятвы в Зале для игры в мяч завершилась вторжением толпы в королевский дворец Тюильри. Король несколько часов находился в окружении плебса, который в грубой форме требовал от него вернуть к власти жирондистов и начать преследование неприсягнувших священников. Лишь прибытие мэра Парижа, жирондиста Петиона, позволило удалить толпу из дворца.

В июле на территорию Франции вторглась австро-прусская армия под командованием герцога Брауншвейгского. Собрание провозгласило "Отечество в опасности". Депутаты-жирондисты открыто обвиняли короля в измене. В столицу со всей Франции стягивались отряды федератов. После праздника 14 июля им было предложено отправиться на фронт, но они отказывались это сделать, требуя низложения короля. К тому же призывали и наиболее радикально настроенные секции (районы) Парижа. 29 июля в Якобинском клубе Робеспьер также призвал низвергнуть монарха и созвать Национальный Конвент для пересмотра Конституции.

1 августа в Париже стало известно о манифесте герцога Брауншвейгского, где тот обещал разрушить французскую столицу и покарать ее жителей, если королю будет причинен вред. Однако его угрозы вызвали именно те последствия, которые он хотел предотвратить.

В ночь на 10 августа уполномоченные от всех секций Парижа собрались в Ратуше и, отстранив законно избранный муниципалитет, создали повстанческую Коммуну. Утром повстанцы — парижский плебс и федераты — попытались захватить королевский дворец Тюильри. Защищавшие его дворяне и швейцарские гвардейцы отбили первый натиск с большими потерями для нападавших. Однако король, искавший с семьей убежища в Законодательном собрании, под нажимом депутатов отдал приказ гарнизону Тюильри сложить оружие. Тот подчинился, после чего большинство находившихся во дворце людей, включая слуг, были зверски убиты толпой. Лишившийся своих последних защитников монарх был отстранен Законодательным собранием от власти и арестован.

11 августа Собрание приняло декрет о проведении на основе "всеобщего" волеизъявления (разумеется, в понимании того времени, не предполагавшем наделение избирательными правами женщин и слуг) выборов в Национальный Конвент, коему предстояло определить будущее государственное устройство Франции.

Борьба между жирондистами и монтаньярами

События 10 августа открыли новую стадию Революции. Если до этого ведущую роль в борьбе против монархии играли представители просвещенной элиты, которым в целом удавалось удерживать плебс под своим влиянием, то теперь движение "низов" обрело автономный характер, имея собственный организующий центр — Коммуну Парижа.

Армия герцога Брауншвейгского неумолимо приближалась к французской столице. 23 августа пала крепость Лонгви, 2 сентября — Верден. Население Парижа было охвачено страхом. Распространялись слухи о предательстве и об аристократическом "заговоре". Эти настроения вылились в массовые убийства заключенных тюрем, организованные 2—5 сентября революционными активистами при откровенном попустительстве Коммуны и полном бессилии Законодательного собрания помешать происходящему. Погибло до 1,5 тыс. человек, в основном не имевших никакого отношения к политике. Подобные убийства имели место и в некоторых других городах.

20 сентября собрался Национальный Конвент. Из 749 его членов 500 были юристами, лицами свободных профессий и государственными служащими. Треть депутатов уже имели опыт работы в Учредительном и Законодательном собраниях.

Ведущая роль в Конвенте принадлежала республиканским "партиям", между которыми, однако, шла острая борьба практически по всем вопросам внутренней и внешней политики. Правое крыло занимали жирондисты (примерно 140 человек), среди которых были такие крупные политические фигуры, как Бриссо, Верньо, Гюаде, Петион, Бюзо, и другие. Они пользовались симпатиями провинциальных элит, в частности, больших торговых городов юга, которые были недовольны диктатом Парижа и тем влиянием на общегосударственные дела, которое приобрела Коммуна. Сторонники соблюдения правовых норм, жирондисты отвергали чрезвычайные меры, основанные на "революционной необходимости", и резко осуждали сентябрьские убийства, требуя привлечь виновных к ответу.

Левое крыло — "партия" монтаньяров (сначала чуть более 110 человек, со временем их число выросло примерно до 150) — представляло собой пестрый конгломерат людей с разными социальными и экономическими взглядами, объединенных, однако, приверженностью радикальным политическим методам. В борьбе с жирондистами монтаньяры нередко апеллировали к плебсу и в случае необходимости прибегали к поддержке Коммуны. Важным инструментом влияния на общественное мнение им служил Якобинский клуб, откуда в октябре 1792 г. были исключены жирондисты и где, напротив, состояло подавляющее большинство монтань-

яров. Клуб имел связь с аналогичными обществами в других городах, образовавшими своего рода сеть, по которой революционные импульсы из Парижа распространялись во все концы страны. Лидерами монтаньяров были Робеспьер, Дантон и Марат. Кроме того, в эту группировку входили такие известные деятели Революции, как Демулен, Кутон. Очень быстро на первые роли выдвинулся молодой юрист из Пикардии Л.А. Сен-Жюст.

Между двумя враждующими группами располагалось "болото", или "равнина" — пассивное большинство (около 500 депутатов), поддерживавшее то одних, то других.

Начало работы Конвента ознаменовалось первыми успехами революционных войск на фронте. 20 сентября при Вальми армия под командованием Дюмурье после продолжительной артиллерийской перестрелки заставила пруссаков отступить, а 6 ноября нанесла поражение австрийцам при Жемаппе. Развивая наступление, французские войска перенесли боевые действия на территорию сопредельных государств.

21 сентября Конвент упразднил монархию и объявил о создании Республики, конституцию которой ему теперь предстояло разработать. Однако сначала надо было решить судьбу короля. После обнаружения в Тюильри тайника, где хранилась секретная переписка Людовика XVI с эмиграцией и иностранными державами, содержавшая просьбу вооруженного вмешательства во французские дела, Конвент большинством голосов постановил устроить процесс над королем, хотя Робеспьер и предлагал казнить того без суда. Роль трибунала взяли на себя сами депутаты.

Жирондисты пытались спасти бывшему монарху жизнь или хотя бы отложить приведение приговора в исполнение, но при поименном голосовании 16—17 января 1793 г. большинство депутатов "болота", испытывая моральное давление со стороны плебса, заполнявшего зрительские трибуны Конвента, высказалось вместе с монтаньярами за смертную казнь без отсрочки. 21 января Людовику XVI отрубили голову.

Казнь короля окончательно испортила отношения революционной Франции с большинством европейских государств, которых и так уже тревожила ее аннексионистская политика. Отказываясь на словах от завоеваний, Конвент на деле присоединил к Франции Савойю и готовил аннексию Бельгии (состоялась 1 марта 1793 г.). После того, как ряд стран отозвал из Парижа своих послов, Конвент 1 февраля 1793 г. объявил войну Англии, а 18 марта — Испании. Державы, вовлеченные в войну с Францией, образовали коалицию (Первая антифранцузская коалиция), к которой присоединились также Голландия, Португалия, итальянские и германские государства.

С возникновением новых фронтов Конвент вынужден был объявить дополнительный набор в армию 300 тыс. человек. Одновременно ужесточались меры против внутренних противников Ре-

волюции: по инициативе Дантона в марте вышел декрет о создании Революционного трибунала — чрезвычайного суда для преследования политических преступлений.

Тем не менее весной 1793 г. военная ситуация для Республики ухудшилась. После поражения при Неервиндене Дюмурье попытался повернуть свою армию против Конвента, но, потерпев неудачу, бежал к неприятелю. Измена командующего деморализовала французские войска: под натиском австрийцев они оставили позиции в Бельгии. На Рейне пруссаки также перешли в наступление. В Вандее, на западе Франции, где крестьяне и прежде выражали недовольство религиозной политикой Революции, попытка провести рекрутский набор спровоцировала восстание, охватившее весь департамент.

Перед лицом военной угрозы Конвент усилил централизацию управления, создав в апреле Комитет общественного спасения для координации усилий по обороне Республики. Во все армии были направлены депутаты Конвента с чрезвычайными полномочиями. Принятые в марте-апреле декреты предусматривали усиление репрессий против врагов Революции. Чтобы снизить напряженность в городах, вызванную непрестанным ростом дороговизны, Конвент 4 мая ввел ограничение цен ("максимум") на хлеб.

Военные неудачи обострили борьбу "партий" и в самом Конвенте. Якобинцы открыто обвиняли жирондистов в измене, натравливая на них плебс. Особенно усердствовал Марат. Жирондистам удалось добиться предания его суду Революционного трибунала, но тот оправдал "Друга народа". 18 мая Конвент постановил создать "Комиссию 12-ти" для расследования действий, направленных против общественного спокойствия. Эта Комиссия, куда вошли жирондисты и умеренные депутаты, отдала приказ об аресте за подстрекательские призывы журналиста Эбера, являвшегося также заместителем прокурора Коммуны. В ответ секционные активисты приступили к подготовке восстания. 31 мая отряды национальной гвардии окружили Конвент и, направив на него орудия, потребовали роспуска "Комиссии 12-ти" и предания суду 22 жирондистов. Депутатам удалось успокоить народ, ограничившись ликвидацией Комиссии. Однако недовольные таким исходом руководители восстания вновь подняли плебс 2 июня и опять осадили Конвент. Под угрозой применения насилия и под нажимом якобинцев "болото" дрогнуло. Большинство проголосовало за арест 29 жирондистов. Власть в Конвенте перешла к якобинцам.

Якобинская диктатура

Известие о насильственном изгнании депутатов-жирондистов из Конвента вызвало в провинции движение протеста, которое якобинцы назвали "федералистским мятежом". Власти се-

верных департаментов начали формировать армию для наступления на Париж. Движение охватило также крупные города юга — Бордо, Марсель, Ним и другие. В самом же Париже юная республиканка из Нормандии Шарлотта Корде 13 июля убила Марата, надеясь, что смерть "этого чудовища" позволит остановить гражданскую войну.

Хотя инициатива протеста против событий 31 мая — 2 июня исходила от местных республиканских властей, в некоторых городах к руководству движением пришли роялисты. Так, в Тулоне под влиянием роялистов муниципалитет сдал город англичанам. В Лионе, где глава местных якобинцев Шалье был арестован еще 29 мая, а спустя несколько недель казнен, офицеры-роялисты взяли на себя командование повстанческими отрядами.

На фронтах республиканские войска терпели одну неудачу за другой. После упорной обороны пал Майнц. С северо-востока успешно развивалось наступление австрийской армии. Англичане захватили французские колонии в Вест-Индии. Вандейские повстанцы, разгромив правительственные войска в своем департаменте, переправились через Луару, чтобы поддержать шуанов — партизан-роялистов в Бретани.

В этой сложнейшей ситуации пришедшие к власти якобинцы постарались, прежде всего, обеспечить себе поддержку масс. 3 июня появился декрет о продаже конфискованных у эмигрантов земель небольшими участками с рассрочкой на 10 лет, 17 июня были полностью и безвозмездно отменены все сеньориальные повинности. 24 июня Конвент 1793 г. принял новую Конституцию. Согласно ей, республикой должно было управлять однопалатное собрание, избираемое прямым голосованием всех граждан мужского пола, достигших 21 года. Наряду с представительным органом предполагалось введение элементов прямой демократии: законы передавались на утверждение первичным собраниям избирателей, и тот закон, против которого высказывалось определенное количество таких собраний, подлежал вынесению на референдум. Подобная процедура участия каждого гражданина в законотворчестве, несомненно, импонировала массам своим демократизмом, но едва ли была реально осуществима. Впрочем, якобинцы и не стали немедленно вводить Конституцию в действие, отложив это до "мирного времени".

Принятие самой демократичной для того времени Конституции носило скорее пропагандистский характер. На деле же якобинцы укрепляли чрезвычайные органы власти и усиливали репрессивное законодательство. После изгнания жирондистов состав Комитета общественного спасения обновился. В него вошли якобинские лидеры Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон. Именно этому "робеспьеристскому триумвирату" принадлежала ведущая роль в революционном правительстве на протяжении последующего года.

Впрочем, само становление режима революционного правления, который историки позднее назовут "якобинской диктатурой", происходило отнюдь не по какому-либо плану, а в значительной степени спонтанно — под влиянием сиюминутных обстоятельств и действия различных факторов (одним из важнейших было давление плебса). Так, введенные в июле 1793 г. жесткие меры против скупщиков и спекулянтов, вплоть до смертной казни, стали ответом на соответствующие требования плебейских революционеров, получивших прозвище "бешеных". Массовое движение парижских "низов" 4—5 сентября, возглавлявшееся Коммуной, *заставило Конвент "поставить террор в порядок дня", принять* "максимум" цен и заработной платы и создать особые отряды для изъятия у крестьян продовольствия по фиксированным ценам — "революционную армию".

Декретом от 10 октября Конвент официально провозгласил установление революционного порядка правления — чрезвычайной формы власти, которую Робеспьер позже определит как "деспотизм свободы". Этим актом Конвент оформил свое право осуществлять исполнительную власть через комитеты. Хотя министерства сохранялись, за ними были оставлены лишь технические функции. Реально же главным центром принятия политических решений, то есть собственно правительством, был Комитет общественного спасения. Важная роль также принадлежала Комитету общей безопасности, ведавшему полицией.

На местах представителями центральной власти были депутаты Конвента, отправленные в различные департаменты и армии. Эти "проконсулы" обладали практически неограниченными полномочиями, подчинялись непосредственно Комитету общественного спасения, а по завершении миссии отчитывались перед Конвентом.

Основным средством удержания власти и достижения своих политических целей для якобинцев стал террор — систематические репрессии, проводимые не только для того, чтобы уничтожить реальных противников, но и для того, чтобы запугать всех недовольных действиями властей, подавить их волю к сопротивлению. Нагнетанию страха служили как постоянные публичные казни: 16 октября — королевы Марии-Антуанетты, 31-го — жирондистов (Бриссо, Верньо и других, всего 21 человек), 6 ноября — бывшего герцога Орлеанского (после свержения монархии он носил имя Филипп Эгалите, т.е. "Равенство"), 10-го — Байи, 28-го — Барнава и т.д., — так и крайне растяжимые рамки репрессивных законов, под действие которых мог попасть любой гражданин. По принятому 17 сентября 1793 г. закону о подозрительных тюремному заключению на неопределенный срок ("до заключения мира") подлежали, например, лица, которым местные власти отказали в *свидетельстве о благонадежности, отрешенные от своих должно*стей государственные служащие и т.п. Согласно же уточняющему

этот закон постановлению Коммуны Парижа, "подозрительными" следовало считать тех, кто "ничего не сделал против свободы, равным образом ничего не сделал и в ее пользу".

Помимо мер устрашения, революционные власти активно проводили военно-организационную работу. В Комитете общественного спасения ею занимались Карно, Ленде и Приер (из Кот-д'Ор), которых называли "специалистами", в отличие от остальных членов Комитета — "политиков". В короткий срок были созданы новые мануфактуры для производства оружия, боеприпасов и снаряжения, налажено снабжение войск. Бесперебойное пополнение армий личным составом обеспечил декрет от 23 августа о массовом призыве новобранцев, фактически являвшийся законом о всеобщей воинской обязанности.

Энергичные усилия позволили якобинскому правительству в достаточно короткий срок переломить ситуацию. Уже в июле был подавлен "федералистский мятеж" в Нормандии, 25 августа — в Марселе. 9 октября правительственные войска штурмом взяли Лион, 16 октября без боя вступили в Бордо. Тулон пал 19 декабря после ожесточенных боев, в которых особо отличился артиллерийский офицер Наполеон Бонапарт. В декабре на правом берегу Луары были разгромлены основные силы вандейцев.

За военными победами над внутренними противниками следовали жестокие репрессии. После взятия Лиона Конвент постановил разрушить этот город. Под руководством депутатов Ж.М. Колло д'Эрбуа и Ж. Фуше многие здания были взорваны, две тысячи жителей казнены. В Нанте по приказу "проконсула" Ж.Б. Каррье несколько тысяч людей были утоплены в Луаре. В Вандее карательные отряды — "адские колонны" генерала Тюрро — вырезали целые деревни, не щадя ни детей, ни женщин.

На внешних фронтах осенью 1793 г. непосредственная угроза Республике также была устранена. Французские войска под командованием Журдана и Карно отбросили силы коалиции на северо-востоке. Генералы Гош и Пишегрю нанесли ряд поражений пруссакам и австрийцам в Эльзасе. К концу года практически на всех направлениях, кроме пиренейского, армии Республики вытеснили врага с французской территории. В следующую кампанию они перенесли боевые действия уже на территорию неприятеля. Наиболее важной в 1794 г. стала победа армии Журдана над объединенными силами коалиции при Флерюсе 26 июня, после чего вся Бельгия перешла в руки французов.

С ослаблением внешней опасности обострились противоречия внутри революционного лагеря. Если в сентябре-октябре 1793 г. и Робеспьер, и ультралевые — руководители Коммуны Шометт и Эбер — вместе участвовали в разгроме "бешеных", которые вновь попытались оказать давление на власть, требуя дальнейшего ужесточения государственного контроля над экономикой, то уже в ноябре робеспьеристы и эбертисты заняли диаметрально противопо-

ложные позиции по вопросу об отношении к католицизму. Принятие Конвентом 5 октября нового, революционного календаря, призванного заменить прежний, связанный с христианским культом, ультралевые использовали как повод для начала "дехристианизации" — кампании против католической веры. В Париже это движение возглавила Коммуна. "Дехристианизаторы" закрывали католические храмы, принуждали священников к отречению от сана, глумились над христианскими святынями. В провинции такие же действия инспирировали некоторые из "проконсулов", например Фуше. Взамен католицизма ультралевые пытались насадить "культ Разума", предполагавший почитание Революции и "мучеников свободы" (Марата, Шалье и др.). Однако большинство Конвента крайне негативно отнеслось к их инициативе. В конце ноября — начале декабря против "дехристианизации" решительно выступили Робеспьер и Дантон, положив ей конец. Впрочем, между этими наиболее влиятельными лидерами якобинцев также существовали серьезные разногласия. С конца ноября Дантон, Демулен и их сторонники, получившие прозвище "снисходительных", развернули агитацию против продолжения террора, но встретили жесткий отпор со стороны робеспьеристов.

Прекращение террора ни в коей мере не входило в планы Робеспьера. Еще в декабре 1793 г. он заявил о необходимости сформулировать позитивный идеал, к осуществлению которого должна привести Революция, а в феврале 1794 г. изложил свое видение этого идеала. Результатом Революции, по мнению Робеспьера, должно было стать общество нравственно совершенных людей, готовых безоговорочно жертвовать своими личными интересами ради общественных. Основным средством реализации этой этической утопии Робеспьер считал террор, которым надо очистить общество от нежелающих следовать требованиям добродетели. Видя в Революции проявление вечной борьбы добродетели и порока, он трактовал любые политические разногласия в категориях этики. По мнению Робеспьера, тот, кто не разделяет его стремления к "царству добродетели", — "нравственно испорченный", порочный человек, а значит — "контрреволюционер", подлежащий уничтожению. Именно таковыми он считал эбертистов и дантонистов.

В начале марта 1794 г. Эбер и некоторые его сторонники заявили в Клубе кордельеров о необходимости восстания для проведения новой чистки Конвента. И хотя этот призыв не имел практического продолжения, Комитет общественного спасения использовал его как повод для разгрома ультралевых. Их лидеров арестовали в ночь с 13 на 14 марта, предали суду Революционного трибунала и спустя несколько дней казнили. Состав Коммуны был радикально обновлен: ее возглавили сторонники Робеспьера.

После этого настала очередь "снисходительных". 30 марта были арестованы Дантон, Демулен и еще ряд депутатов Конвента. В начале апреля над ними состоялся суд. Чтобы добиться обви-

нительного приговора для людей, имевших среди революционеров огромный авторитет, робеспьеристам пришлось грубо нарушить процессуальные нормы. Приговор был вынесен, обвиняемые казнены.

Важным шагом на пути к "царству добродетели", по мнению Робеспьера, должно было стать введение гражданского культа Верховного существа, которой бы обеспечил сакрализацию республиканских добродетелей. 7 мая Конвент после доклада Робеспьера принял декрет, где сформулировал принципы новой религии и установил соответствующие праздники. Первый из них состоялся уже на следующий день. Однако насаждаемый сверху искусственный культ не нашел отклика в народе.

Другой мерой по реализации робеспьеристского идеала стало ужесточение террора. 10 июня 1794 г. (по революционному календарю — 22 прериаля II года Республики) по докладу Кутона, активно поддержанного Робеспьером, Конвент принял декрет, лишавший обвиняемых права на защиту и предусматривавший для "врагов народа" единственное наказание — смертную казнь. Само понятие "враг народа" было крайне расплывчатым. Таковыми, например, признавались те, кто "пытается вводить народ в заблуждение и препятствовать его просвещению, портить нравы и развращать общественное сознание". Закон 22 прериаля открыл дорогу Великому террору. В Париже с 11 июня по 27 июля было казнено 1376 человек.

Среди депутатов Конвента росло недовольство диктаторской властью Робеспьера и его сподвижников. Те, зная о зреющей оппозиции, готовились нанести по ней удар. Однако она опередила их. 27 июля (9 термидора), когда Сен-Жюст собирался выступить в Конвенте с обвинениями против некоторых депутатов, часть монтаньяров, в том числе членов Комитета общественного спасения, открыто обвинила Робеспьера и его окружение в "тирании" и при поддержке "болота" провела декрет об их аресте. На следующий день Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон и их сторонники (всего 22 человека) были казнены. Якобинская диктатура пала.

От термидора до брюмера

Свержение Робеспьера положило конец системе террора. Хотя некоторые из термидорианцев (так называли участников "революции 9 термидора") и хотели бы сохранить ее в прежнем виде, большинство членов Конвента, где тон теперь задавали депутаты "болота" (Сийес, Тибодо, Буасси д'Англа, Камбасерес и др.), сочли необходимым ее демонтировать. Уже в августе 1794 г. полномочия Комитетов общественного спасения и общей безопасности были существенно сокращены, Революционный трибунал реорганизован, Коммуна упразднена. На свободу вышли все, кто находился в

тюрьмах по закону о подозрительных и против кого не было выдвинуто никакого обвинения. Осенью власти закрыли Якобинский клуб. Состоялись процессы над наиболее одиозными "террористами" — организатором утоплений в Нанте Каррье, "палачом Арраса" Лебоном, обвинителем Революционного трибунала Фукье-Тенвилем. Все они были осуждены и казнены. Весной 1795 г. Конвент постановил выслать в Гвиану ряд бывших монтаньяров, которые играли видную роль в период революционного правления, в том числе бывших членов Комитета общественного спасения Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенна и Барера, хотя они тоже принимали участие в свержении Робеспьера. Одновременно в Конвент вернулись оставшиеся в живых жирондисты.

Но если в Париже разрушение системы террора носило в целом правовой характер, то в провинции оно нередко принимало форму стихийных расправ населения с бывшими функционерами революционных органов власти. Особенно широкий размах подобное насилие приобрело в тех областях, где революционный террор ранее был особенно жесток (Лионе, Ниме, Авиньоне).

Якобинская политика государственной регламентации экономики также подверглась пересмотру. В декабре 1794 г. был отменен "максимум", вызывавший острое недовольство производителей, особенно крестьян. Однако этот, в принципе необходимый для восстановления экономики шаг имел своим прямым следствием стремительный рост цен и падение стоимости ассигнатов. Крестьяне, утратив доверие к бумажным деньгам, ограничили поставки продовольствия в города. К тому же урожай 1794 г. оказался не слишком обильным. В Париже возникли перебои с продуктами, что вынуждало торговцев еще выше поднимать цены.

В марте 1795 г. в столице имели место голодные волнения. 1 апреля (12 жерминаля) толпа плебса вторглась в Конвент, требуя хлеба и введения в действие Конституции 1793 г. Движение носило мирный характер и закончилось без кровопролития. Зато 20 мая (1 прериаля), когда предместья Парижа вновь восстали, вооруженные повстанцы, заняв Конвент, убили одного из депутатов. Воспользовавшись моментом, последние из монтаньяров заставили Конвент принять декреты, по сути означавшие возврат к чрезвычайным методам правления. Когда к ночи толпа разошлась, эти декреты были отменены, а их инициаторы арестованы. Власти стянули в столицу войска и 24—25 мая разоружили жителей предместий. Зачинщики и наиболее активные участники беспорядков предстали перед судом. Шести депутатам-монтаньярам военная комиссия вынесла смертный приговор.

Роялисты, воодушевленные междоусобной борьбой в революционном лагере, предприняли в июне 1795 г. вторжение в Бретань, высадившись с английских кораблей на полуострове Киберон. Они рассчитывали получить помощь от шуанов, но были блокированы республиканскими войсками и разгромлены.

22 августа Конвент принял новую Конституцию. Согласно ей, законодательную власть в Республике осуществлял двухпалатный парламент — Законодательный корпус, избираемый на двухстепенных выборах. Имущественный ценз ограничивал число избирателей примерно 30 тысячами. Нижняя палата — Совет пятисот — законы разрабатывала, верхняя — Совет старейшин — принимала. Ежегодно обе палаты обновлялись на треть. Исполнительной властью наделялась Директория из пять человек, выбираемых верхней палатой из списка кандидатов, предложенного нижней. Число местных властей было сокращено, а сами они поставлены под контроль представителей центрального правительства. Зная о крайней непопулярности Конвента в стране и не надеясь победить на свободных выборах, депутаты под предлогом сохранения преемственности приняли декрет, по которому они же и составили $^2/_3$ Законодательного корпуса.

"Декрет о двух третях" вызвал широкое общественное возмущение. 4—5 октября (12—13 вандемьера) в Париже началось антиправительственное восстание, к которому примкнули вышедшие из подполья роялисты. Повстанцы уже приближались к Конвенту, когда артиллерия генерала Бонапарта рассеяла их залпами картечи.

25 октября Конвент прекратил свою работу.

Правление Директории началось в благоприятной для Франции внешнеполитической обстановке. Еще в апреле 1795 г. был подписан мир с Пруссией, в мае — с Голландией, в июле — с Испанией. Франция присоединила к себе Бельгию и оккупировала правый берег Рейна. Следующие годы принесли новые военные успехи. В 1796 г. Бонапарт разгромил в Северной Италии австрийские и сардинские войска. Сардиния вышла из войны, уступив Франции Савойю и Ниццу. После еще одной победоносной кампании Бонапарта в 1797 г. Австрия 17 октября подписала мир в Кампо-Формио, признав французские права на Бельгию, Ионические острова и левый берег Рейна. Кроме того, Франция существенно укрепила свои позиции на континенте, создавая зависимые от себя дочерние республики — Батавскую (Голландия), Гельветическую (Швейцария), Цизальпийскую (Ломбардия), Лигурийскую (Генуя), Римскую, Партенопейскую (Неаполь). Единственным же противником Французской республики оставалась Англия.

Огромные контрибуции с оккупированных земель дали Директории необходимые средства для проведения финансовой реформы. В феврале 1796 г. прекратился выпуск ассигнатов и началось постепенное возвращение к использованию звонкой монеты. В сентябре-декабре 1797 г. правительство провело частичное банкротство, значительно сократив государственный долг, а оставшуюся его часть переоформило на более выгодных для себя условиях.

Главной слабостью режима была узость его социальной базы. Властям приходилось постоянно считаться и с "левой" угрозой — якобинцами, и с "правой" — сторонниками реставрации монархии.

Директория проводила "политику качелей": борясь с "правыми", искала поддержки у "левых" и наоборот.

После мятежа в вандемьере, где заметную роль сыграли роялисты, правительство освободило из тюрем многих бывших "террористов". Однако вскоре они составили заговор, возглавлявшийся журналистом Г. Бабефом. Позднее это движение получило название "Заговора равных". Сторонники Бабефа — бабувисты — планировали захватить власть и, установив режим революционной диктатуры, построить коммунистическое общество с жесткой регламентацией государством всех без исключения сторон жизни. В мае 1796 г. заговор был раскрыт, двое его руководителей, в том числе Бабеф, осуждены на смертную казнь, остальные — на тюремное заключение.

Репрессии против "левых" способствовали тому, что весной 1797 г. на очередных выборах трети депутатов Законодательного корпуса победу одержали сторонники монархии. В течение лета роялистское большинство отменило законы против эмигрантов и неприсягнувших священников. Оно готовилось сместить и Директорию, но та успела нанести удар первой. 4 сентября (18 фрюктидора) она при поддержке республиканских генералов, включая Бонапарта, произвела государственный переворот. Результаты выборов были аннулированы, депутаты-роялисты арестованы и высланы из страны, десятки монархических газет закрыты, репрессивные законы против неприсягнувшего духовенства и эмигрантов восстановлены.

Однако крен "влево" привел на апрельских выборах 1798 г. к победе якобинцев. Директории, чтобы сохранить проправительственное большинство в Законодательном корпусе, пришлось организовать проверку полномочий вновь избранных депутатов и в ходе нее отсеять "левых".

Внутренняя нестабильность усугубилась в 1798 г. осложнениями во внешней политике. Стремясь подорвать экономическую мощь своего последнего противника — Англии, Директория направила в Египет армию под командованием Бонапарта, чтобы перерезать английские коммуникации с Индией и Левантом. Но после успешного начала экспедиции и захвата Египта французские войска понесли большие потери в Сирии, а британский адмирал Нельсон потопил французский флот в сражении при Абукире. Одновременно в Европе образовалась Вторая антифранцузская коалиция, куда, кроме Англии, вошли Австрия, Россия, Швеция, Турция и Неаполитанское королевство. В 1799 г. русско-австрийские войска под командованием А.В. Суворова разбили французов в Италии. "Дочерние" республики на Апеннинском полуострове пали. Англо-русский корпус высадился в Голландии.

Военные неудачи еще больше пошатнули авторитет Директории. Выборы весной 1799 г. вновь завершились успехом "левых". Подобные "качели" вызывали растущее недовольство новых элит

французского общества — тех людей, кто был обязан Революции своим состоянием и высоким социальным статусом. Они хотели иметь более стабильную власть, которая защитила бы их как от возврата к революционной диктатуре, так и от реставрации Старого порядка.

Заговор, направленный на изменение формы правления, возник в самих же правящих кругах. Его инициатором стал Сийес, член Директории. Для осуществления плана ему нужна была "шпага" — один из влиятельных генералов Республики. В октябре 1799 г. в Париж вернулся Бонапарт. Именно его заговорщики и решили использовать для осуществления переворота.

9 ноября 1799 г. (18 брюмера) Законодательный корпус под предлогом "якобинского заговора" был переведен в Сен-Клу. Бонапарт, назначенный командующим столичным гарнизоном, принял на себя всю власть в городе. Двое членов Директории — Сиейс и Р. Дюко — добровольно ушли в отставку, еще троих это заставили сделать. 10 ноября Бонапарт во главе отряда гренадеров прибыл в Сен-Клу и, когда депутаты отказались утвердить его чрезвычайные полномочия, просто разогнал их. Вечером те члены Законодательного корпуса, что поддержали переворот, были снова собраны в Сен-Клу и проголосовали за передачу исполнительной власти трем временным консулам — Бонапарту, Сийесу и Дюко. На смену республике пришла военная диктатура. Французская революция закончилась.

* * *

Разумеется, после всего, что в этой книге говорилось об относительности, казалось бы, бесспорных, общепринятых положений исторической науки, с моей стороны было бы чрезмерной самонадеянностью предполагать, что "все оно так и было на самом деле", как здесь описано. Скорее, это лишь одна из версий событий, сложившаяся, тем не менее, на основе знакомства с современной научной литературой и опыта собственных исследований ряда проблем революционной истории. Однако все, что сегодня является современным, когда-нибудь устареет: будут введены в научный оборот новые источники и придуманы новые методы анализа уже известных, новые результаты конкретных исследований дадут основание для новых обобщающих интерпретаций, а потому охотно допускаю, что изложенный мною выше взгляд на тему — своего рода моментальный снимок из проходящего поезда времени — когда-нибудь тоже может быть признан историографическим мифом...